
Научная статья

УДК 94:357.11(470.6)«15»

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

МИГРАЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2024

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы на территории Северо-Западного Кавказа, связанные с расширением казачьей колонизации региона в первой половине XIX века. Автор акцентирует внимание на актуальность проблемы пополнения Кавказского линейного войска, создание Лабинской кордонной линии. Определяются основные колонизационные элементы, анализируется социальный и национальный состав переселенцев, выявляются районы их выхода. Показывается доминирующая роль в формировании линейного казачества Кубани выходцев из южнорусских однодворческих населенных пунктов. Прослеживается динамика роста численности прибывающего в регион населения, а также процесс образования новых населенных пунктов.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, Кубань, Лабинская кордонная линия, Черноморская кордонная линия, Кавказское линейное казачье войско, колонизация, миграция, казачество, крестьяне, однодворцы, малороссы, великороссы

Для цитирования: Варивода Н.В. Миграция восточнославянского населения на территорию Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 38–48. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

Original article

MIGRATION OF THE EAST SLAVIC POPULATION TO THE TERRITORY OF THE NORTH-WEST CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2024

Abstract. The article examines migration processes in the North-West Caucasus associated with the expansion of Cossack colonization of the region in the first half of the XIX century. The author focuses on the relevance of the problem of replenishment of the Caucasian linear army, the creation of the Labinsk cordon line. The main colonization elements are determined, the social and national composition of the settlers is analyzed,

and the areas of their exit are identified. The dominant role of immigrants from southern Russian single-household settlements in the formation of the Kuban linear Cossacks is shown. The dynamics of growth in the number of people arriving in the region, as well as the process of formation of new settlements are traced.

Keywords: North-West Caucasus, Kuban, Labinsk cordon line, Black Sea cordon line, Caucasian linear cossack army, colonization, migration, cossacks, peasants, single-household settlers, Little Russians, Great Russians

For citation: Varivoda N.V. Migration of the East Slavic population to the territory of the North-West Caucasus in the first half of the XIX century. Vestnik KBIGI = KBiHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 38–48. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-38-48

Процесс колонизации Северного Кавказа в начале XIX в. не прекращался. Росийская администрация прекрасно отдавала себе отчет в том, что без дальнейшего заселения региона выходцами из других губерний хозяйственно-экономическое и политическое освоение этих мест невозможно. Основным способом внутренней колонизации и наращивания военного присутствия России в приграничных районах стало перемещение части ее населения на окраины. Среди стратегически важных участков, подлежащих заселению, был Северо-Западный Кавказ.

К 1802 г. численность населения Черномории достигла уже 23 579 душ м. п. и 9144 душ ж. п., однако этого количества населения было недостаточно для решения тактических и стратегических задач военно-колонизационного характера [Сазонова 2010]. Высокая смертность переселенцев от болезней и лишений, потери в военных столкновениях уже в начале XIX в. требовали срочных мер по увеличению населения. Ощущалась острая нехватка в способных к военной службе людях.

Решить проблему малочисленности населения Черноморского казачьего войска правительство Российской империи попыталось, организовав три массовых переселения (1809–1811, 1821–1826, 1848–1849 гг.) преимущественно государственных крестьян (98,3%) из малороссийских губерний: Полтавской, Черниговской, а позднее из Харьковской и Киевской. Все издержки на передвижение и водворение украинских выходцев покрывались средствами войсковой казны. Переселенцам предоставлялись в пользование участки земли, полная (наравне с проживающими здесь черноморцами) свобода хозяйственной деятельности и льготы по отбыванию государственных повинностей на 2–3 года [Сазонова 2010].

В 1809–1811 гг. с одобрения правительства на Кубань переселилось 41635 человек [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 179]. В основном это были малороссийские казаки и государственные крестьяне. Вызов переселенцев на Кубань в значительной мере усилил подвижность населения и придал народной колонизации более широкий размах.

Только с июня по ноябрь 1809 г. в Черноморию прибыло из Полтавской и Черниговской губерний 19840 человек [Фелицын, Щербина 1996: 66]. Отчеты Полтавского и Черниговского губернаторов позволяют установить удельный вес этих губерний в деле заселения Черномории в 1809–1811 гг. Подавляющую часть выходцев была из Полтавской (78,4%) и Черниговской губерний (21,6%) [Сазонова 2010]. Как видим, Черниговская губерния играла вспомогательную роль. Впрочем, она всегда шла на втором месте как в деле заселения Черномории, так и Новороссии.

Переселенцы оседали в селениях Кушевском, Кисляковском, Брюховецком, Переяславском, Васюринском, Деревянковском, Уманском и др. Вследствие притока поселенцев и внутреннего перераспределения населения в 1809-1812 гг. возникают станицы Новокорсунская, Новоджерелиевская, Новотитаровская, Ахтанисовская.

Несмотря на трудности, переселившиеся в начале XIX в. выходцы из Украины органически вливались в ряды жителей Черноморского казачьего войска, становились его частью и наравне с остальными делили все тяжести и радости приграничной жизни.

Эпидемические болезни, особенно холера, сильно сокращали население, а цинга и лихорадка, как отмечал И. Попко, «если не истребляют, то заметно прореживают народонаселение» [Попко 1998: 140]. Убыль населения была настолько большой, что требовались новые срочные меры к его увеличению. Особенно велики были потери казаков во время активных военных действий и болезней в 20–40-х годах XIX в.

Потребности в дополнительном населении оставались огромными, хотя общая его численность и достигала уже 65028 человек [Чекменев 1967: 34]. Производивший в 1820 г. ревизию Черномории генерал-майор П.Д. Киселев, предлагал переселить сюда еще 25 тысяч украинских казаков. Обосновывая необходимость нового массового переселения казаков из Полтавской и Черниговской губерний, царское правительство предусматривало не только разрешение задачи заселения малолюдного края, но и удовлетворение растущих стремлений помещиков этих губерний к расширению своего землевладения и некоторому сокращению земельной нужды казенного крестьянства.

В соответствии с решением правительства А.П. Ермолов уже в октябре 1820 г. предложил атаману Матвееву отвести земли новым переселенцам. В мае 1821 г. в письме к Вельяминову он требовал ускорить назначенное переселение 12384 д. об. п. из Черниговской и Полтавской губерний [Щербина 1992: 501].

Второе массовое пополнение населения Черномории из Полтавской и Черниговской губерний проходило неудачно, сопровождалось голодом и высокой смертностью переселенцев. Уменьшение доходов лишало войсковую администрацию возможности помогать продовольствием прибывающим украинцам. Массовое переселение на Кубань украинских казаков началось осенью 1821 г. и продолжалось всю зиму. К концу года из указанных губерний было уже переселено 29150 душ об. п., а на 10 января 1822 г. – 30305 д. об. п. За 1821–1824 гг. в Черноморию переселилось 48382 человек (24679 д. м. п. и 23703 д. ж. п.) [По страницам истории Кубани 1993: 76]. Население края увеличилось вдвое. Переселенцев размещали как в старых, так и в новых селениях. В связи с этим переселением в крае возникают новые станицы: Елизаветинская, Марьянская, Нововеличковская, Новодеревянковская, Новошербиновская, Павловская. Только в 1822 г. здесь появились 17 новых станиц [Кубанские станицы 1967: 18].

Правительственное переселение на Кубань в начале 20-х годов, однако, далеко еще не разрешило вопроса заселения края. Черномория по-прежнему нуждалась в дополнительных контингентах населения. Убыль его оставалась огромной. В отношении графа Паскевича к военному министру Чернышеву 5 февраля 1831 г. указывалось, что за 40 предшествующих лет население Черномории уменьшилось на 1/6 часть [Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией 1878: 925]. Он предлагал провести ряд мер, в том числе увеличить ее население еще на 25 тыс. д. м. п., прекратить откомандирование полков в другие районы страны, выдать значительные суммы в порядке помощи, провести ряд мероприятий по улучшению службы казаков и офицеров и пр. Однако практического осуществления этот вопрос в то время из-за сложившегося внутреннего и международного положения не получил. Следовательно, вопрос о заселении края по-прежнему оставался открытым и требовал его разрешения. Увеличение населения Черномории, помимо естественного прироста, проходило, как и раньше, стихийно. Основное население Черномории сосредоточивалось в Екатеринодарском округе, в котором вместе с городом проживала почти половина населения всего края. В 1841 г. из 121536 человек здесь насчитывалось 56950. В это время в войске насчитывалось уже 58 куреней (станций) и 1544 хутора. В 1847–1849 гг. сюда переселилось еще 9 тыс. семейств. Интересно, что к Черниговской и Полтавской губерниям – традиционному региону, дающему переселенцев в Черноморию с конца XVIII в., теперь добавляется, хотя и с более скромными показателями, Харьковская губерния [Кабузан 1996: 77].

Прибывшие переселенцы были расселены в станицах Таманского и Екатеринодарского округов. Возникли станицы Должанская и Камышеватская. В них поселилось 400 семей переселенцев. Это был уже новый этап заселения края. И, наконец, в 1856 г. в Черноморском войске уже насчитывалось 164449 д. об. п., 63 станицы, 5 поселков и до 3-х тысяч хуторов [Трехбратов 2000: 142].

Для обеспечения безопасности слабозаселенных участков Кубанской линии, в первую очередь участка между станицами Усть-Лабинской и Кавказской, сюда в 1802 г. было переселено 862 семьи (3277 человек) Екатеринославского казачьего войска, переименованных в 1796 г. в гражданское звание. Они основали станицы Тифлисскую (181 семья), Ладожскую (232 семьи), Казанскую (223 семьи), Темижбекскую (226 семей). Жители этих станиц «предпочли спокойной жизни однодворцев переселение в беспокойный край из-за сохранения дорогого им казачьего звания» [Бурыкина 2006: 20]. Эти поселенцы составили основу Кавказского казачьего полка, штаб которого находился в станице Тифлисской.

В отличие от Черномории, где преобладали выходцы с Украины, на Старой линии большинство составляли русские поселенцы.

Заселение осуществлялось не только казаками, но и другими группами переселенцев, в том числе государственными крестьянами с зачислением их в казаки. В 1804 г. переселившиеся на Кубань украинские однодворцы (378 душ мужского пола) основали станицу Воронежскую. В 1825 г. власти переселяют на Кубанскую линию 4227 казаков Хоперского и Волжского полков, к этому времени оказавшихся в тылу линии укреплений [По страницам истории Кубани 1993: 78]. С водворением станиц в верховьях р. Кубани цепь казачьих поселений закрыла Кубанскую линию полностью.

В 1832 г. из Кубанского, Кавказского, Хопёрского полков и из казаков, живших по Тереку, было образовано одно Кавказское казачье линейное войско. В него были зачислены также 17 селений, смежных с казачьими и образованных из однодворцев и отставных солдат. В сентябре 1832 г. население Кавказской линии было пополнено 1300 малороссийскими казаками, переселившимися из Полтавской и Черниговской губерний, а в декабре этого же года – крестьянами 31 казённого селения Кавказской области, обращенными в казачье сословие [Бурыкина 2014: 44].

В 30-е гг. XIX в., опираясь на казачество, военные власти Кавказа выносят систему военных укреплений, кордонов, станиц в Закубанье, на земли, населенные адыгами, в междуречье Лабы и Белой. В 1837 г. генерал Г.Х. Засс представил проект освоения левого берега Кубани и заселения казачьими станицами пространства между реками Кубанью и Лабой [Царева 2008: 15]. В феврале 1837 г. Николай I утвердил разработанный генералом Г.Х. Зассом проект строительства Лабинской (Новой) линии. Первоначально на Лабе были возведены укрепления Зассовское, Михайловское, Темиргоевское, Новодонецкое, Георгиевское, Махоньское. С 1841 г. вблизи укреплений возникают станицы Вознесенская, Лабинская, Чамлыхская, Урунская, ставшие опорными пунктами заселения Закубанья. В 1842 г. на Лабе поселилось еще 6069 человек: кавказские казаки – 3139, малороссийские казаки – 432, донские казаки – 252, солдаты – 1792, государственные крестьяне – 400, дезертиры – 54. Власти широко использовали в качестве колонизационной силы отставных солдат. В 1843 г. были основаны станицы Некрасовская и Тенгинская. К зачисленным в казаки и поселенным на Лабе отставным солдатам в 1853 г. приехали из Саратовской, Воронежской, Рязанской, Тульской губерний 368 человек (члены их семей) [Основные административно-территориальные преобразования на Кубани 1986: 15].

П.П. Короленко отмечал, что поселения эти были чисто военными. «Солдат не спрашивали, желают ли они селиться на передовой линии, их отчисляли от полков, вызывали из прежних мест жительства их жен и детей и водворяли в построенных средствами войск избах, приказав им вместо фронтовой службы

заниматься сельскохозяйственными работами, к чему иные не имели ни охоты, ни способностей. Такая насильственная колонизация признана была неудобной, и в 1848 году решено было не прибегать к насильственным мерам, а водворять на Лабинской линии охотников из женатых нижних чинов регулярных полков Кавказской армии, которые прослужили «во фронте» менее 15 лет. Кроме солдат разрешено было принимать на переселение с зачислением в казачье сословие и других лиц свободного состояния» [Царева 2008: 15].

До учреждения Лабинской линии Кубанская была передовой и подвергалась частым, иногда весьма опустошительным, вторжениям горцев. Капитан Генштаба Забудский отмечал, что «с переселением кордона на Лабу, Кубанская линия сделалась безопаснее от нечаянных вторжений, уже казаки занимаются хлебопашеством без оружия и скот на ночь не загоняют в станицы» [Бурькина 2006: 21].

С горскими набегами женщины-казачки столкнулись уже в первые годы после переселения на Северо-Западный Кавказ. Казачкам было крайне сложно выполнять хозяйственные обязанности вне территории станиц, так как их выезды на работы в поле, на огород, в степь, в лес, на водоем или по другим делам требовали беспрецедентных мер безопасности и были сопряжены с риском для жизни. Так, 10 % пострадавших от горцев женщин попали в плен, были убиты или ранены в результате нападения закубанцев вне населенных пунктов, во время хозяйственных работ на окоlostаничных участках и во время поездок в другие населенные пункты [Цыбульникова 2012: 100].

Так, черноморская казачка Матрона Хандрумайлова, которая «1836 года января 6 дня доставлена при донесении Екатеринодарской карантинной конторы от 5 января за № 21 в дежурство Черноморской линии вымененная от черкес из-за Кубани...», свидетельствовала, что «зовут меня так точно, как выше значится, лет от роду 30-ть, веры православной, у исповеди и причастия святых таен ежегодно бывала, уроженни от отца Павла и матери Селевновых, Войска Черноморского жительна города Екатеринодара, назад тому, не припомню какого числа, в июле месяце прошлого 835 года в первый день Петрова поста я имела отлучку по собственной надобности для нарубки хвороста, в Черном лесе, воротясь оттуда, минувши Елизаветинский курень расстоянием, как полагать, верст 4-ре от онаго вдруг, неизвестно где взялись, 5 человек пеших шапсугов схватили, а ехавшая со мною женщина, по имени и призвании неизвестна, скрылась в камыш, тем спаслась, а меня увезли с собою за Кубань в горы. В ауле мне неизвестном, а называемом Абазсхский, проживши в оном полтора месяца, после того продали далее в горы армянину и двум черкесам абазсхам же, мне неизвестным, за две штуки рогатого скота и медный котел, пробывши в них до того времени, пока явились в горы покупатели русских пленных и армянин Иванес, который, купивши, доставил меня на Екатеринодарский меновой двор. Что же касается до чумной заразы и других болезней в горах, я не заметила и о намерениях горцев напасть на границы наши каких-либо сборищ я не видела, русских же пленных в горах проживает много» [Клычников 2010: 192].

Горские набеги были деструктивным фактором, который дестабилизировал ситуацию на Северном Кавказе. Основной целью нападения горцев на казачек являлось их пленение с дальнейшей продажей или использованием в качестве служанок, наложниц или жен. Главными покупателями «живого товара» являлись другие горцы, турецкие контрабандисты, а также российская сторона, оплачивавшая возвращение пленниц на родину [Цыбульникова 2004: 15].

А.А. Цыбульникова приводит результаты анализа количества пострадавших от агрессии закубанцев казачек Кубани с конца XVIII до середины XIX века, показывая, что подавляющее большинство женщин становились пленницами: взято в плен – 94 % от общего числа пострадавших женщин и девочек, легко ранено при попытке захватить в плен – 1 %, убито и смертельно ранено – 5 % [Цыбульникова 2012: 108].

Заселение линии на Лабе приняло столь широкий размах, что с 1841 г. по 1860 г. здесь было основано 32 станицы. В 1841–1857 гг. на Линии было поселено 400 семейств государственных крестьян, 1549 отставных солдат, 252 донских казака, 54 дезертира и 2830 линейных казаков – всего 5085 семей. Заинтересованные в росте казачьего населения власти Кавказа записывали в казаки государственных крестьян Ставрополя. К 1845 г. на Лабинской линии проживало 17449 человек казачьего сословия, а к 1859 г. население Лабинской линии насчитывало около 30 тыс. человек [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 185].

В 1829 г. по Адрианопольскому договору с Турцией к России отошло Черноморское побережье Кавказа от крепости Анапа до Поти. Эти земли были заселены преимущественно адыгскими племенами. В целях закрепления приобретенных территорий вдоль Кавказского побережья началось строительство укреплений. Создание укреплений на побережье встретило сопротивление горцев. В условиях непрекращающихся военных действий и при отсутствии сухопутных дорог вдоль побережья занятие плацдармов осуществлялось высадкой десантов. 25 июля 1831 г. войска под командованием генерала Берхмана высадились в Геленджикской бухте и начали строительство укрепления.

В это же время началось создание укреплений от Кубани к побережью Черного моря. Еще в 1830 г. были возведены русские укрепления за Кубанью: Мостовое-Алексеевское, Георгие-Афипское на р. Афипс, Шебское на р. Шебш. К сентябрю 1831 г. Геленджикское укрепление было завершено. Для установления сухопутной связи с Черноморским побережьем решено было проложить дорогу от Ольгинского кордона на Кубани через ущелье р. Абин к Геленджику. В Абинском ущелье были основаны укрепления Николаевское на р. Атакуаф (1835 г.), Абинское на р. Абин (1834 г.), Кабардинское на р. Дооби (1836 г.), составившие Геленджикскую укрепленную линию общей протяженностью в 80 верст [Фелицын, Щербина 1996: 166].

Дальнейшее продвижение по побережью происходило посредством строительства опорных военных пунктов. В целом с 1831 г. по 1842 г. на побережье Черного моря было возведено 17 укреплений, составивших Черноморскую береговую линию.

Заселение Черноморского побережья русскими поселенцами началось еще в 1832 г. и встретило огромные трудности. Это явилось следствием военного положения края. Чтобы привлечь переселенцев, царское правительство предоставляло им льготы, освобождало от податей и повинностей. В 1837 г. появляются первые станицы, которые по сути дела представляли собой военные укрепления. Возводятся станицы Витязевская, Благовещенская, а затем Суворовская, Александровская. Укрепления и станицы на побережье постепенно становились центрами торговых связей русских поселенцев и горских крестьян. Население Черноморской береговой линии было сосредоточено главным образом в Анапе и близлежащих станицах и к середине XIX в. составляло 5412 человек.

Ярко выраженный элемент народной колонизации края – беглые крестьяне. Они постоянно пополняли численность населения Кубани вопреки запретам властей. Царское правительство, местная администрация боролись с потоками беглых на Кубань. Вместе с тем правительство прекрасно понимало, что убрать всех беглых с Кубани никто не в состоянии, поэтому время от времени соглашалось на зачисление крепостных в казаки. Более того, местная администрация Черноморского и Кавказского войск, заинтересованная в росте населения и использовании труда беглых в хозяйствах старшин и казаков, смотрела сквозь пальцы на зачисление в казаки беглых. Однако и игнорировать полностью указания властей она не могла. С 1801 по 1805 гг. за пределы войска было выслано 613 беглых крепостных.

В 1800 г., по сведениям войсковых властей, в казаки было зачислено 1264 крепостных и государственных крестьян. В условиях массового заселения края бегство крепостных приобретает черты организованного переселения.

По сведениям войсковой администрации, в 1832 г. число беглых в Линейном войске превышало 10 тыс. человек. Если в 1845 г. население Кубанской линии (Северо-Восточного Прикубанья) насчитывало 52758 человек, то к 1858 г. оно возрастает до 56548 человек и проживает в 36 станицах [Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. 1996: 184].

Бегство, несмотря на активное противодействие помещиков и администрации, продолжалось в течение всей первой половины XIX в. Таким образом, политика царского правительства в отношении беглых на Кубань отличалась двойственностью. С одной стороны, правительство, защищавшее интересы помещиков-крепостников, стремилось пресечь побег крестьян. С другой потребности в росте военного населения заставили его согласиться на пополнение казачества за счет беглых.

Кроме государственных крестьян в процессе широкого межсословного движения участвовали крепостные крестьяне и отставные солдаты. В Черномории процент крепостных был минимальный. Если в 1810 г. крепостных в крае было 0,1% от всего мужского населения, то через 40 лет число крепостных составило 0,6% [Бурыкина 2005: 20].

Отставным нижним чинам регулярных войск, служившим на Кавказе, как и другим невойсковым жителям, было воспрещено водворяться на войсковой земле и без разрешения обзаводиться какой-либо недвижимостью и заниматься скотоводством. Они могли зачисляться в казачье сословие с разрешения войскового начальства, обязуясь приписываться в казаки навсегда и с потомством. Но, несмотря на особые правила об отставных нижних чинах регулярных войск, к 1843 г. оказалось, что многие из последних, оставшихся в Черномории после отставки и женившихся на казачьих вдовах и девицах, обзавелись уже оседлостью и хозяйством [Бурыкина 2005: 21]. Некоторые же из отставных солдат, привыкнув к месту за время долголетней солдатской службы, оставались жить в той же местности. Для них начальством отводилось особое место на принадлежавшей к крепости земле. Постепенно при каждой крепости по Кавказской линии образовывались форштадты из отставных нижних чинов, к которым присоединялись другие лица невойскового сословия.

К 1850 г., благодаря одиночным и массовым причислениям к правофланговым линейным полкам, однодворцы становятся основным социальным компонентом формирующегося линейного казачества Кубани, намного опередив в численном отношении другие категории населения (донские казаки, русские и малороссийские государственные и экономические крестьяне и др.). Казаки однодворческого происхождения стали доминирующим элементом и в ряде закубанских станиц, возникших в 1840–1860-е гг. в ходе военных действий [Матвеев 2004: 11]. Происхождение однодворцев, связанное самым тесным образом с длительной военной службой предыдущих поколений российской государственности, отразилось впоследствии на их быстрой адаптации к пограничной обстановке Северо-Западного Кавказа и большей приспособленности к казачьему укладу жизни.

Формирование населения Кубани осуществлялось не только за счет переселений, но и за счет естественного прироста. Хотя в начале XIX в. население Черноморского войска пополнялось за счет миграции, а естественный прирост отсутствовал. Для Черномории 1820–1825 гг. характерен низкий естественный прирост, который в среднегодовом исчислении на 1000 жителей составлял 3–6 человек. Уровень воспроизводства в Черномории 1811–1840 гг. не только был понижен, но и существенно уступал среднеимперским показателям как по рождаемости, так и особенно смертности. Даже на Ставрополье в 30-е годы естественный прирост был более чем в два раза (12,5%) выше, чем в Черноморье, хотя и уступал среднеимперским результатам [Кабузан 1996: 69].

К середине XIX в. положение изменяется и уровень естественного прироста повышается [Громов 1985: 79]. В 1841–1850 гг. он повысился до 9,3%, но все равно

был невысок и уступал показателям и Кавказской губернии (11,3%), и всей России (10,0%) [Кабузан 1996: 76]. Тем не менее, в условиях затухания миграционного движения естественный прирост здесь выдвигается на первый план в общем приросте всего населения. Именно в 40-е годы, когда наступает новая волна заселения Черномории, показатели естественного и механического прироста примерно уравниваются.

Доля русских на Северном Кавказе с 1835 по 1858 г. повысилась с 14,6 до 16,5% (с 279,2 до 372,4 тыс. чел.), и они заняли третье место в регионе после адыгов и украинцев. Они остались преобладающим этносом в Ставропольской губернии, хотя процент их здесь снизился (с 85,7 до 63,8%). В Терской области их удельный вес также упал с 23,5 до 21,3%. Зато в Кубанской области, где в 30-е годы русских не было, в 1858 г. проживало уже 142 тыс. русских, что составило 13% ее населения [Кабузан 1996: 81].

Таким образом, в первой половине XIX в. российское правительство проводило политику дальнейшего расширения казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа. В течение длительного времени кубанское казачество пополнялось различными группами населения, главным образом, выходцами из внутренних губерний России, и путем зачисления в казачье сословие казенных селений в северокавказском регионе. Линейные казаки принимали активное участие в интенсивном заселении закубанских земель. В Кавказском Линейном казачьем войске происходили как взаимодействие и унификация локальных вариантов южнорусской культурной традиции, так и интенсивные русско-украинские ассимиляционные процессы. Несмотря на большую этническую пестроту, среди кубанских линейцев очевидно ведущее значение южнорусской традиции.

Список источников и литературы

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 7. Тифлис: типография Главного управления Наместника Кавказского, 1878. 994 с.

Бурыкина 2005 – *Бурыкина Л.В.* Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е–50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 4. С. 20–22.

Бурыкина 2006 – *Бурыкина Л.В.* Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII – 60-е г. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 2. С. 20–24.

Бурыкина 2014 – *Бурыкина Л.В.* Политика российского правительства по укреплению Кавказского Линейного казачьего войска в 90-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Майкоп, 2014. С. 41–54.

Громов 1985 – *Громов В.П.* Роль миграции и естественного прироста населения в заселении Степного Предкавказья в первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1985. № 2. С. 76–80.

Кабузан 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб.: БЛИЦ, 1996. 223 с.

Клычников 2010 – *Клычников Ю.Ю.* Новые документальные свидетельства о женщинах – жертвах горских набегов в первой половине XIX века // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.Л. Дударев, Н.Л. Пушкарева. Армавир, 2010. С. 192–196.

Кубанские станицы – Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Под ред. К.В. Чистова. М.: Наука, 1967. 356 с.

Матвеев 2004 – *Матвеев О.В.* Еще раз об этнических компонентах формирования кубанских казаков-линейцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской

конференции / Под ред. В.Б. Виноградова, С.Н. Лукаша. Краснодар; Армавир, 2004. 178 с. С. 11–12.

Основные административно-территориальные преобразования – Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1793–1985) / Сост. А.С. Азаренкова и др. Краснодар: Книжное издательство, 1986. 394 с.

Очерки истории Кубани – Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 232 с.

По страницам истории Кубани – По страницам истории Кубани (краеведческие очерки) / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1993. 207 с.

Попко 1998 – *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В 2-х частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.

Сазонова 2010 – *Сазонова С.Е.* Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Армавир, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/pereselenie-ukraintsev-na-severnyi-kavkaz-i-ikh-sotsiokulturnaya-adaptatsiya#ixzz58ykrusFf> (дата обращения: 22.07.2024).

Трехбратов 2000 – *Трехбратов Б.А.* История Кубани с древнейших времен до начала XX в. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 2000. 440 с.

Фелицын, Щербина 1996 – *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 480 с.

Царева 2008 – *Царева Л.С.* Новая Линия: [о заселении Закубанья (Лабинская Мало-Лабинская, Урупская, Адагумская, Верхнее – Кубанская линии) 1839–1864 гг.: к 150-летию основания Урупской кордонной линии и поселению на ней шести станиц Кавказского Линейного казачьего войска]. Краснодар: кн. изд-во «Картика», 2008. 80 с.

Цыбульникова 2004 – *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX вв.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Армавир, 2004. 28 с.

Цыбульникова 2012 – *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир: Полипринт, 2012. 236 с.

Чекменёв 1967 – *Чекменёв С.А.* Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX в. Пятигорск: [б. и.], 1967. 352 с.

Щербина 1992 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Т. 1. Краснодар: Советская Кубань, 1992. 854 с.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission] Т. 7. Tiflis: tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. 994 p. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Krest yanskaya migraciya na Severo-Zapadnyj Kavkaz v 20-e–50-e gg. XIX v.* [Peasant migration to the Northwestern Caucasus in the 20s–50s of the XIX century] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4. P. 20–22. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Rasshirenie voenno-kazach`ej kolonizacii na Kavkazskoj linii v 90-e g. XVIII – 60-e g. XIX v.* [Expansion of military Cossack colonization on the Caucasian line in the 90s of the XVIII – 60s of the XIX century.] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 2. P. 20–24. (In Russian)

BURYKINA L.V. *Politika rossijskogo pravitel`stva po ukrepleniyu Kavkazskogo Linejnogo kazach`ego vojska v 90-e gg. XVIII – 60-e gg. XIX vv.* [The policy of the Russian government to strengthen the Caucasian Line Cossack army in the 90s of the XVIII – 60s of the XIX centuries.] // Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost`. Materialy nauchnoj konferencii. Majkop, 2014. P. 41–54. (In Russian)

GROMOV V.P. *Rol` migracii i estestvennogo prirosta naseleniya v zaselenii Stepnogo Predkavkaz`ya v pervoj polovine XIX veka* [The role of migration and natural population growth in the settlement of the Steppe Pre-Caucasus in the first half of the XIX century] // Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshej shkoly. 1985. № 2. P. 76–80. (In Russian)

KABUZAN V.M. *Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries.]. Spb: BLICz, 1996. 223 p. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU. *Novye dokumental'nye svidetel'stva o zhenshchinah – zhertvah gorskih nabegov v pervoj polovine XIX veka* [New documentary evidence about women victims of mountain raids in the first half of the XIX century] // *Zhenshchiny v istorii: nedostayushchie fragmenty istoricheskogo polotna: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* / otv. red. S.L. Dudarev, N.L. Pushkareva. Armavir, 2010. P. 192–196. (In Russian)

Kubanskie stanicy. Etnicheskie i kul'turno-bytovye processy` na Kubani [Kuban villages. Ethnic and cultural processes in the Kuban] / Pod red. K.V. Chistova. M.: Nauka, 1967. 356 p. (In Russian)

MATVEEV O.V. *Eshche raz ob etnicheskikh komponentah formirovaniya kubanskih kazakov-linejcev* [Once again about the ethnic components of the formation of the Kuban line Cossacks] // *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj nauchno-prosvetitel'skoj konferencii* / Pod red. V.B. Vinogradova, S.N. Lukasha. Krasnodar; Armavir, 2004. P. 11–12. (In Russian)

Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani. (1793–1985) [The main administrative and territorial transformations in the Kuban. (1793–1985)] / Sost. A.S. Azarenkova i dr. Krasnodar: Kn. izd-vo, 1986. 394 p. (In Russian)

Ocherki istorii Kubani s drevnejshix vremen po 1920 g. [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1996. 232 p. (In Russian)

Po stranicam istorii Kubani (kraevedcheskie ocherki) [Through the pages of the history of Kuban (local history essays)] / Pod red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1993. 59 p. (In Russian)

ПОПКО I.D. *Chernomorskie kazaki* [Black Sea Cossacks]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1998. 192 p. (In Russian)

SAZONOVA S.E. *Pereselenie ukraincev na Severnyj Kavkaz i ih sociokul'turnaya adaptaciya* [Resettlement of Ukrainians to the North Caucasus and their socio-cultural adaptation]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Armavir, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/pereselenie-ukraincev-na-severnyi-kavkaz-i-ikh-sotsiokulturnaya-adaptatsiya#ixzz58ykrusFf> (data obrashcheniya 22.07.2024).

TREXBRATOV B.A. *Istoriya Kubani s drevnejshix vremen do nachala XX v.* [The history of Kuban from ancient times to the beginning of the XX century].– Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2000. 440 p. (In Russian)

FELICYN E.D., SHHERBINA F.A. *Kubanskoe kazach'e vojsko*. [Kuban Cossack army.]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1996. 480 p. (In Russian)

CZAREVA L.S. *Novaya Liniya: o zaselenii Zakuban`ya (Labinskaya Malo – Labinskaya, Urupskaya, Adagumskaya, Verxnee – Kubanskaya linii) 1839–1864 gg.* [The New Line: on the settlement of Zakuban (Labinskaya Malolabinskaya, Urupskaya, Adagumskaya, Verkhneye – Kubanskaya lines) 1839–1864]: k 150-letiyu osnovaniya Urupskoj kordonnoj linii i poseleniyu na nej shesti stanicz Kavkazskogo Linejnogo kazach`ego vojska. Krasnodar: Knizhnoe izd-vo «Kartika», 2008. 80 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX vv.: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni*. [Cossacks of the Kuban at the end of the XVIII – mid-XIX centuries: the specifics of everyday life in wartime conditions]. Avtoref. diss. ... kand. ist. n. Armavir, 2004. 28 p. (In Russian)

CYBUL'NIKOVA A.A. *Kazachki Kubani v konce XVIII – seredine XIX veka: specifika povsednevnoj zhizni v usloviyah voennogo vremeni*. [Cossacks of Kuban at the end of the XVIII – mid-XIX century: the specifics of everyday life in wartime conditions.] Armavir: Poliprint, 2012. 236 p. (In Russian)

CHEKMENYOV S.A. *Social'no-ekonomicheskoe razvitie Stavropol`ya i Kubani v konce XVIII i v pervoj polovine XIX v.* [Socio-economic development of Stavropol and Kuban at the end of the XVIII and in the first half of the XIX century]. Pyatigorsk: [b. i.], 1967. 352 p. (In Russian)

SHHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskogo Kazach`ego Vojska*. [The History of the Kuban Cossack Army] V 2-h t. T. 1. Krasnodar: Sovetskaya Kuban`, 1992. 854 p. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 05.12.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.